

чаемъ Ея откровенія. Ея приближенія къ міру, ибо во Славѣ Грядущій Христосъ приблизится. Тогда явится полнота Богочеловѣчества: Иисусъ — Марія, Логосъ и Духъ Св., открывающіе Отца. Эта полнота откровенія обѣтована изнемогающему творенію. Высокими умы и очищеннымъ сердцемъ возстанемъ завтра съ зажженными свѣчами навстрѣчу ему, — Богочеловѣчеству.

*Утѣшителю, Душе истины, прійди и вселися въ ны!
Ей, гряди, Господи Иисусе!*

И Духъ, и Невѣста говорятъ: прійди! И слышавшій да скажетъ: прійди! (Откр. 22, 17).

Профессоръ Протоіерей С. Булгаковъ.

Л. Н. Толстой, какъ религіозный типъ

(Къ 25-лѣтію со дня смерти).

Мы отдѣлены отъ Л. Толстого не только двадцатью-пятью годами, прошедшими со дня его смерти — насъ больше отдѣляетъ отъ него другое — всѣ тѣ огромныя, колоссальныя перемѣны, какія внесла въ русскую жизнь, въ русскую душу наша революція. Мы всѣ стали уже иными, чѣмъ были до революціи, конечно, намъ самимъ очень трудно это осознать, осмыслить, но наши оцѣнки, наше воспріятіе исторіи, наше духовное зрѣніе стали иными, совсѣмъ иными. Это не значитъ, что въ отношеніи къ Л. Толстому для насъ уже возможна „исторія“ — наоборотъ, мы навѣрное сейчасъ гораздо болѣе субъективны, можно сказать, почти „одержимы“ духомъ эпохи, ея страстными и тревожными думами, остротой и мучительной четкостью ея „откровеній“. Совершенно неправильно было бы сказать, что мы стали зрѣлѣе, — но просто наша эпоха въ своемъ основномъ и опредѣляющемъ звучаніи отмѣчена уже новымъ стилемъ, обречена нести иное бремя, — она имѣетъ въ своемъ распоряженіи не тѣ возможности, какія были раньше, живетъ иными задачами, чѣмъ эпоха отошедшая.

Думается мнѣ, что отчетливѣе всего это выступаетъ именно въ отношеніи къ Л. Толстому. Его художественное творчество по прежнему чаруетъ и питаетъ насъ, многія его за вѣтныя идеи, его одностороннія, но горячія высказыванія хотя по новому, но живутъ въ насъ, а все же въ цѣломъ Л. Толстой, въ полнотѣ его духовнаго наслѣдія, его творчества и исканій — какъ то безконечно далеко отъ насъ, словно не 25 лѣтъ отдѣляетъ его отъ насъ, а по меньшей мѣрѣ столѣтіе...

Въ чемъ тутъ дѣло? Думаю — въ религіозной то-
нальности двухъ эпохъ — нашей и до — революціи.
Говорю не объ идеяхъ религіозныхъ, для которыхъ существ-
вуетъ законъ ритмическаго возвращенія, говорю и не о психоло-
гической религіозной, которая вѣдь тоже повторяется. Мы живемъ
въ эпоху, которую, по чудесному и загадочному факту обно-
вленія иконъ, можно было бы охарактеризовать, какъ эпоху об-
новленія Церкви. Его не всѣ видятъ, оно еще такое же
частичное и загадочное, какъ и обновленіе иконъ, ничему уло-
вимому не пропорціональное. — а въ то же время отъ Церкви
исходитъ для насъ новое сіяніе, неизвѣстное и чудесное, пре-
ображающее сердца и покоряющее души. О, конечно, это „об-
новленіе Церкви“ не значитъ вовсе, что передъ тѣмъ былъ
какой то застой и усыханіе внутренней жизни Церкви, — ея
живое благоуханіе ощущали и раньше чуткія души, ей отдава-
лись и раньше — безъ колебаній и сомнѣній. Вѣчная весна
была всегда и всегда останется въ благодатномъ раю Церкви,
— но наши очи были такъ закрыты, сердца были такъ без-
чувственны и „косны“, какъ у двухъ учениковъ, не узнавшихъ
Спасителя, явившагося на пути въ Еммаусъ. А нынѣ — видѣ-
ніе Церкви, какъ лѣствицы къ Богу, какъ явленія Царства
Божія, своимъ сіяніемъ западаетъ многимъ и многимъ въ душу.
Среди суеты и внѣшнихъ передрагъ послѣвоеннаго времени,
среди идейнаго и духовнаго возбужденія нашихъ дней — это
„обновленіе Церкви“, это новое ея сіяніе, это ея откровеніе
образуетъ самое важное самое существенное, что опредѣляетъ
нашу эпоху.

А Толстой всю жизнь не чувствовалъ Церкви, —
и оттого вопреки всему онъ, уже просвѣщенный благовѣстіемъ
Евангелія, остался внѣ новаго завѣта, внѣ Св. Пятидесятницы...
Кто усумнится въ религіозной искренности Толстого, въ пре-
дѣльной честности его разума, въ точномъ чутьѣ его вѣчно
тоскующаго сердца, въ вѣчной его неудовлетворенности собой?
Когда то онъ почти вплотную подошелъ къ Церкви, когда онъ
повѣрилъ въ народъ, когда почувствовалъ въ тайнѣ его сми-
ренія ключъ къ смыслу жизни. Толстой самъ съ незабываемой
силой рассказалъ объ этомъ въ „Исповѣди“, — но онъ такъ и
остался у порога этой тайны, не понялъ того, что эта тайна
есть связь народной души съ Церковью. Всю жизнь не пони-
малъ онъ этого, — страшно сказать: не могъ понять. Изъ
самой глубины его мятущейся, но и гордой души, его честнаго,
но и недовѣрчиваго ума вставали постоянно какія то пустяко-
вые, по существу мнимыя преграды, мѣшавшія ему увидѣть
Церковь въ ея подлинности, въ Ея сущности. Онъ все видѣлъ
въ Церкви разныя внѣшнія вещи, — и можетъ быть (кто знаетъ?)

эта „роковая“, — обусловленная внутренней неустроенностью — неспособность увидѣть Церковь была источникомъ его озлобленія въ отношеніи къ Церкви, — того озлобленія, которое продиктовало ему ненужныя, кощунственныя слова объ Евхаристіи въ „Воскресеніи“.

Впрочемъ, скажемъ и то: Толстой, несравненный, паразитическій въ своемъ тайновидѣніи, въ своихъ интуиціяхъ, не могъ вмѣстить въ своемъ сознаніи ничего живого и подлиннаго. Сердцемъ чужая, а умомъ отвергалъ и осмѣивалъ всю культуру, включая науку и искусство, тайну брачной близости и тайну рожденія дѣтей, — и тѣмъ болѣе отвергалъ и осмѣивалъ внѣшнія формы жизни (государство, судъ, армію и т. д.). И даже живую человѣческую личность не сумѣлъ онъ вмѣстить въ своемъ сознаніи¹⁾ — для него она была помѣхой и препятствіемъ въ моральной жизни. Не тутъ ли и ключъ ко внутреннимъ антиноміямъ въ Толстомъ? Сердцемъ онъ принадлежалъ христіанству и зналъ въ своей глубинѣ настоящія его откровенія, — но не умѣлъ этого выявить, словно весь еще былъ въ оковахъ Ветхаго Завета; во власти безличнаго закона, во власти безчувственности дохристіанской. Толстой не видѣлъ, не чувствовалъ Церкви — и въ этомъ разгадка ослѣпленности этого величайшаго генія нашего XIX вѣка. Кто въ самомъ дѣлѣ былъ больше его въ русской культурѣ? Много геніальности почилъ на русскихъ людяхъ въ XIX вѣкѣ, но ни на кого не излилось столь творческой силы, какъ на Толстого. И все же — въ Толстомъ воплотился не свѣтлый творческій духъ русскаго генія, а его страшная разрушительная сила. Это, по истинѣ, было явленіемъ „русскаго безпощаднаго бунта“ — противъ культуры, противъ семьи, противъ государства, противъ Церкви. Честный и чистый, неумолимый къ себѣ, жестокоправдивый Толстой не вмѣщалъ лишь одного — подлиннаго смиренія духовнаго. И оттого онъ не видѣлъ Церкви, обходилъ Ее, озлоблялся, высмѣивалъ, мучился и тосковалъ.

Какая ужасная трагедія русской жизни! Мы стоимъ уже на другомъ берегу, намъ засіяла Церковь въ ея обновленіи — и трудно намъ думать, чтобы подлинная геніальность вывѣ могла не отзываться отвѣтной любовью и вдохновеніемъ на то, что открывается въ Церкви. У насъ нѣтъ и не можетъ быть раздраженія противъ Толстого — но неизъяснимая грусть сжимаетъ сердце, когда думаемъ о немъ, о внутренней неустроенности — уже не лично у Толстого, но общей многимъ людямъ, особенно въ русской интеллигенціи прошлой эпохи.

1) Я посвятилъ этой темѣ особую статью („Проблема безсмертія и Толстой“) въ сборникъ „Религія Толстого“ (Москва 1913).

Есть однако въ религиозной жизни Толстого нѣкоторыя особенности, которыя едва ли типичны для русской души. Въ одной небольшой брошюркѣ (о молитвѣ) Толстой совершенно зачеркиваетъ значеніе и смыслъ молитвы, — т. е. зачеркиваетъ самую сущность, первофеноменъ религиозной жизни. На первомъ планѣ для Толстого стоитъ мораль, — его система есть своеобразный „панэтизмъ“. Только категорія добра не добрая у него, если позволено здѣсь каламбуръ: это не „солнце идей“, какъ у Платона, у котораго все живилось добромъ и іерархически подчинялось ему. У Толстого идея добра тираннична и нетерпима: онъ требуетъ „видимаго“, внѣшняго добра отъ искусства, убивая въ немъ все, что не даетъ непосредственнаго моральнаго эффекта. Въ сферѣ познанія категорія добра столь же тираннична и рѣшительно накладываетъ „вето“ на т. наз. „чистую науку“. Но столь же тираннична идея добра и въ религиозной области у Толстого: ярче всего это сказывается въ томъ, что оно видитъ въ личности, въ личномъ началѣ препятствіе для добра! Духовная жизнь внѣ ея внѣшняго приложенія къ соціальной сферѣ ему чужда — и оттого онъ, такой глубокой и чуткой, такъ ужасно грубо глядѣлъ на таинства, не ощущалъ въ нихъ дѣйствія Св. Духа. Догматическое его сознаніе оказалось неокрыленнымъ, непросвѣтленнымъ; дальше плоскаго раціонализма онъ такъ и не смогъ пойти въ своей „Критикѣ догматическаго богословія“, которая поражаетъ своей духовной слѣпотой. Лишь въ соціальной сферѣ идея добра свѣтила ему по глубокому — достаточно вспомнить его изумительную книгу „Такъ что же намъ дѣлать?“

Въ религиозномъ типѣ Толстого ужасно много морализма, ужасно много отвлеченнаго радикализма, безжизненнаго и часто убійственнаго. Все противоестественное его ученіе о „непротивленіи злу“ — лучшее выраженіе этого.

Толстой всю жизнь искалъ правду — честно, мужественно, не боялся самыхъ радикальныхъ и неожиданныхъ идей. Но въ моральномъ радикализмѣ Толстого очень много жестокаго и безпощаднаго къ живой жизни. Какъ художникъ, онъ такъ глубоко понималъ живую тайну человѣческой души, такъ глубоко читалъ въ человѣческомъ сердцѣ, — а какъ мыслитель, точнѣе — въ своемъ религиозномъ воспріятіи жизни — онъ всегда глядѣлъ только *sub specie aeternitatis* — а отъ этого холоднаго, отвлеченнаго мистицизма всюду гасла жизнь — въ людяхъ, въ творчествѣ, въ искусствѣ и культурѣ. Толстой религиозно не собранъ, онъ всегда замкнутъ въ своей индивидуальности. Это рѣдкій на Руси типъ религиознаго индивидуализма — мы все по „природѣ“ нашей ищемъ соборности, общности, — „хороваго начала“, какъ говорилъ К. Аксаковъ. А Толстой

весь въ обособленіи, въ странной застѣнчивости. Онъ хочетъ смиряться, но какъ то уединенно и потому отвлеченно — не со всѣми, т. е. не въ Церкви. Оттого тайны Церкви, тайны живого сращенія нашего въ единое и цѣлостное бытіе, тайны литургіи, какъ слянія и братотворенія во Христѣ онъ не зналъ и не понималъ. И хотя Толстой всю жизнь тянулся къ народу, былъ апостоломъ народничества, — но, несмотря на это, онъ такъ и остался глубоко чуждъ народной душѣ, глубоко не народенъ. Достаточно сравнить напр. его удивительныя строки въ „Исповѣди“ о народѣ съ тѣмъ, что писалъ, напр. Н. К. Михайловскій о народѣ¹⁾, чтобы понять, насколько далека оставался Толстой народу даже тогда, когда хотѣлъ приобщиться къ его внутреннему міру, и насколько былъ подлинно „народенъ“ Н. К. Михайловскій . . .

Исключительные дары, присущіе Толстому, сказались положительно лишь въ его художественномъ творчествѣ, — т. е. тамъ, гдѣ онъ довѣрялъ чутью и не слѣдовалъ за своимъ умомъ. А во всѣхъ иныхъ областяхъ, оставивъ неизгладимый слѣдъ въ русской культурѣ, онъ умѣлъ лишь разрушать, а не созидать, обличать, а не вести впередъ. И нынѣ, вновь стоя у могилы великаго человѣка Россіи, великаго сына ея, мы испытываемъ такую потребность молиться объ упокоеніи души его — присоединяя къ этому иную молитву — о русскомъ народѣ. Пришла для насъ новая эпоха; какъ бы ни были мрачны нынѣ условія жизни въ Россіи и для насъ всѣхъ — мы видимъ нынѣ Церковь, вбираемъ въ себя сіяніе Ея обновленія и знаемъ, твердо, до конца знаемъ: правда и истина не внѣ Церкви, а въ Церкви — и только въ Ней.

Пусть же молодыя души, расцвѣтающія уже въ нашу эпоху, сердцемъ поймутъ трагедію русской жизни, какъ она воплотилась въ Толстомъ — и, отбрасывая его индивидуализмъ, опираясь всецѣло на Церковь, не устаютъ молиться о тѣхъ, кто не видѣлъ Церкви, молиться о просвѣтленіи и возрожденіи русской души.

В. В. Зѣньковскій.

1) См. объ этомъ въ моей книгѣ „Русскіе мыслители и Европа“.